

Мотив нарушения запрета в средневековых поэмах о Рыцаре с лебедем

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформации мотива нарушения запрета в средневековых версиях «сюжета о Рыцаре с лебедем» во французской и немецкой традициях. Если во французских источниках нарушение героиней запрета объясняется реализацией темы борьбы Бога и дьявола, то в немецкоязычных версиях акцент переносится на индивидуальные мотивировки поведения персонажей. В статье высказывается предположение о возможном заимствовании создателями немецких поэм сюжетообразующего мотива фольклорного анекдота или городского шванка об Умной Эльзе – мотива раздумий героини о будущем детей. Делается вывод, что благодаря обращению к народным жанрам немецким поэтам удастся создать более правдоподобные и убедительные мотивировки, связанные не столько с темой сверхъестественного вмешательства, сколько с рассуждениями о противоречивости человеческой природы.

Ключевые слова: средневековая литература, героический эпос, рыцарский роман, литература о глупцах, Рыцарь с лебедем, Лоэнгрин, Умная Эльза

Для цитирования: Попова О.В. Мотив нарушения запрета в средневековых поэмах о Рыцаре с лебедем // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 258–270. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-258-270

The motif of violating the ban in medieval poems about the Swan Knight

Olga V. Popova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. The article considers the transformation of the motif of violating the ban in the medieval versions of the “plot of the Swan Knight” in the French and German traditions. While in the French sources the heroine’s violation

implies the theme of the struggle between God and the devil, in the German-language versions the individual motivations of the characters' behavior are emphasised. The article suggests a possible borrowing by the creators of German poems of the plot-forming motif of a folklore anecdote or urban schwank about Clever Elsa – the motif of the heroine's thoughts about the future of children. The article concludes that due to appealing to turning to folk genres, German poets managed to create more plausible and convincing motivations related to reasoning about the inconsistency of human nature rather than to the theme of supernatural intervention.

Keywords: medieval literature, heroic epic, tale of chivalry, literature on fools, The Swan Knight, Lohengrin, Clever Elsie

For citation: Popova, O.V. (2022), "The motif of violating the ban in medieval poems about the Swan Knight", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, part 2, pp. 258–270, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-258-270

Сюжет о Рыцаре, путешествующем в ладье, влекомой лебедем, получил распространение в Средние века во французских, немецких, испанских землях, был также известен в Англии и скандинавских странах. В целостном виде «сюжет о Рыцаре с лебедем» сложился лишь к XIV в. во французской традиции в результате циклизации, получив воплощение в поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский». В XII–XIII вв. на территории Льежа и Фландрии рассказывались героические жесты о подвигах Рыцаря с лебедем, затем их сюжеты распространились в Пикардию и на север, в область Нидерландов. В XIII в. поэмы были записаны на старофранцузском языке и стали достоянием средневековой книжности. Герой фигурирует в них в качестве предка Готфрида Бульонского, предводителя Первого крестового похода [Trotter 1985]. Жесты о рождении, главном подвиге и смерти Рыцаря с лебедем были включены в состав эпического цикла о Первом крестовом походе, в то же время получив относительно независимое бытование и переходя в другие языковые традиции.

Во всех средневековых версиях, включающих в себя рассказ о главном подвиге Рыцаря с лебедем, одним из сюжетообразующих мотивов, определяющих его специфику, является мотив нарушения запрета на вопрос об имени и происхождении главного героя, который влечет за собой парный мотив нарушения запрета. Согласно сюжетам средневековых памятников, запрет на вопрос является условием пребывания Рыцаря с лебедем среди смертных, а его нарушением объясняется исчезновение чудесного героя. Пер-

сонажем, нарушающим запрет, во всех случаях становится супруга Рыцаря с лебедем, в то время как мотивировка ее поступка в разных версиях варьируется.

В произведениях средневековой эпико-романной традиции имя зачастую является подтверждением благородного происхождения персонажа. Комплекс мотивов, связанных со встречей героя после его прибытия в другую страну, как правило, включает в себя расспросы о его имени и славных предках [Боура 2002, с. 237]. Кроме того, в «сюжете о Рыцаре с лебедем» присутствует тема передачи власти, которую герой получает после заключения брака с представительницей правящей династии (во французских версиях после женитьбы Рыцарь с лебедем становится правителем герцогства Бульонского, в немецких – Брабантского), следовательно, происхождение Рыцаря с лебедем не должно вступать в противоречие с представлением о легитимности его правления. Однако, несмотря на это, ни в одной версии нарушение запрета не мотивируется сомнением герцогини в знатном происхождении ее супруга.

Целью данной статьи является изучение трансформации мотива нарушения запрета на материале французских и немецких версий «сюжета о Рыцаре с лебедем». Также будет высказано предположение о возможной роли других источников, оказавших влияние при заимствовании сюжета. К рассмотрению привлекаются старофранцузская жеста «Рыцарь с лебедем» (*Le chevalier au Cygne*), известная по рукописям XIII в., более поздняя поэма «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» (*Le chevalier au Cygne et Godefroy de Bouillon*) XIV в., а также немецкие памятники «Рыцарь с лебедем» (*Der Schwanritter*, 1257) Конрада Вюрцбургского и «Лоэнгрин» (*Lohengrin*, 1283–1290).

В обеих французских версиях причиной, по которой супруга главного героя задает запретный вопрос, называются дьявольские козни. В поэме «Рыцарь с лебедем» говорится, что герцогиней овладел дьявол:

Segnor, or escoutés quels pecés l'encombra
Et par quele maniere Deables l'engigna [Nelson 1985, p. 104].

Сеньоры, услышьте, какой грех помешал ей / И каким способом
Дьявол ею овладел (здесь и далее перевод О. Поповой).

Упоминание о вмешательстве дьявола в тексте этого памятника согласуется с мотивировкой самого запрета. Ранее в поэме рассказывается о том, как жене Рыцаря с лебедем является ангел и пророчествует о рождении дочери, которая станет матерью троих достойных сыновей. На вопрос герцогини, высокого ли происхож-

дения ее супруг, ангел отвечает, что он выше, чем сам германский император, и наказывает ей никогда не спрашивать об этом.

Тема борьбы Бога и дьявола получает реализацию и в других сюжетных элементах: так, поединок Рыцаря с лебедем с противником правительницы Бульонского герцогства, претендующим на ее земли, также представляется как противостояние сверхъестественных сил. Битва заканчивается победой божественного посланника, и запрет ангела, возвещающего волю Бога, становится подтверждением его сакральной природы, однако смертный, подтвержденный дьявольскому искушению, оказывается недостойн дарованного свыше блага – такова моральная интенция французской жести, входящей в цикл о Первом крестовом походе.

В более поздней версии «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» XIV в. представление о несовершенстве человеческой природы, неспособной противостоять дьявольским козням, в эпизоде нарушения запрета находит более конкретное воплощение. О жене главного героя говорится, что дьявол околдовал ее:

Le chevalier au Cygne et Godefroy de Bouillon
Mais au cief de vij ans dyables l'encanta;
Penssé avoit lonctemps et moult le désira,
Et vous savés comment le cuer de femme va
Car de çou c'on li prie le contraire fera¹.

На исходе седьмого года / дьявол околдовал ее, / она долго раздумывала и очень этого желала, / и вы знаете, как ведет себя сердце женщины: / попросите ее о чем-нибудь – и она сделает наоборот.

Отметим, что в этой поэме говорится уже не о наущении дьявола, а именно о колдовстве, и делается акцент на желании самой герцогини узнать правду о своем супруге. Тема противостояния Бога и дьявола присутствует и в этом источнике, но в то же время отчетливо проявляется тенденция к индивидуализации мотивировок поведения персонажей. Так, сам запрет на вопрос об имени и происхождении героя не объясняется сверхъестественным вмешательством, его налагает сам Рыцарь с лебедем сразу после прибытия в Бульонское герцогство, мотивируя это тем, что о его родной стране все равно никто не узнает.

Более конкретные и убедительные мотивировки нарушения запрета можно увидеть в немецкоязычных версиях «сюжета о Рыцаре с лебедем», в которых он претерпевает эволюцию под

¹ Le Chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon / Éd. Baron de Reiffenberg. Bruxelles, 1846–1859. Т. 5. Р. 114.

влиянием других жанровых традиций. Основным источником поэмы Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем», записанной на рейнско-франкском диалекте, считается сюжет одноименной старофранцузской жести [Krüger 1936, S. 122]. Помимо этого, представляется очевидным знакомство немецкого автора с более ранним рыцарским романом Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», в последней книге которого рассказывается о браке Рыцаря с лебедем Лоэнгрина с герцогиней Брабантской; четкой мотивировки нарушения герцогиней запрета в этом источнике не приводится.

Трансформацию «сюжета о Рыцаре с лебедем» в поэме Конрада Вюрцбургского связывают с ее жанровой природой, хотя данная проблема на сегодняшний день исследована недостаточно. В издании «Рыцаря с лебедем», составленном Г.Й. Герненцем, этот памятник отнесен к традиции «малой эпики» (Kleinerpik), сформировавшейся в XIII в. под влиянием городской литературы. На «Рыцаря с лебедем» Конрада, согласно мнению Герненца, оказал влияние жанр шванка [Gernentz 1972, S. 12]. Вывод сделан на основании ярко выраженной дидактической установки, направленной на доказательство права женщины претендовать на престол.

Мотив нарушения запрета относится к сюжетным элементам, претерпевающим в поэме Конрада значительные изменения. Повествование расширяется за счет рассказа о том, как главный герой встречает в лесу свою плачущую супругу. Герцогиня нарушает запрет, объясняя причину своей печали:

“ich han von uch zwei schone kint
die beide wol geraden sint
und ist verborgen mir do bi
von was gebürt er komen si
der yn zû vatter ist gezelt.
<...>
so man nû fraget unser kint
[...] nach um ir geslechte
<...>
die müzzent sich des ummer schamen
daz die niht wizzent umme dez leben
der yn zû vater ist gegeben”. [Habermehl 2015, S. 9^r]

«У меня от вас двое прекрасных детей, / оба хороши собой, / но от меня скрыто, / от кого происходит тот, / кто зовется их отцом. <...> если наших детей спросят / об их происхождении, <...> им всегда придется стыдиться, / что они не знают о том, / кто их отец».

Несмотря на общую тенденцию к стремительному развитию событий, в целом характерной для «малой эпики» Конрада Вюрцбургского, в данном эпизоде происходит амплификация сюжета, поскольку в нем появляются новые мотивы, отсутствующие в более ранних версиях: мотив встречи в лесу и мотив раздумий героини о будущем ее детей.

Один из этих мотивов, а именно мотив раздумий о будущем детей, присутствует и в анонимной баварской поэме «Лоэнгрин», созданной между 1283 и 1290 гг. и включенной в цикл «Состязание певцов в Вартбурге» (“Wartburgkrieg, или Sängerkrieg auf der Wartburg”)². Она входит в часть, называемую «Игра в загадки» (“Räthselspiel”), и вложена в уста Вольфрама фон Эшенбаха, вступившего в спор с поэтом Клингзором.

В этой версии впервые упоминается имя супруги Рыцаря с лебедем – Эльза Брабантская. Согласно сюжету, нарушению герцогиней запрета предшествует эпизод поединка главного героя с герцогом Клевским и последующий спор между Эльзой и герцогиней Клевской. Во время поединка герцог падает на землю и ломает руку. Его супруга, вместе с Эльзой Брабантской и императрицей наблюдавшая за поединком, пытается унижить Эльзу, высказав сомнения в знатном происхождении Рыцаря с лебедем. С ней спорит императрица, заявляя, что его доблесть является подтверждением высокого статуса, но Эльза, думая о своих детях, не знающих, откуда происходит их отец, решает спросить своего супруга об имени и происхождении:

sie dâht ‘sol ich mîn zît mit im vertriben,
daz ich niht emwizzen sol wann unser kinder heizen
unt von wann sie sint geboren?’³.

Она думала: «Должна ли я проводить с ним время, / если мне нельзя знать, как зовутся наши дети / и от кого они рождены?»

Таким образом, создатель поэмы о Лоэнгрине, вводя дополнительную мотивировку нарушения запрета (сомнения, высказанные герцогиней Клевской), заимствует одну из мотивировок из поэмы Конрада Вюрцбургского: Эльза Брабантская, задавая вопрос об

² О месте поэмы «Лоэнгрин» в структуре цикла «Состязание певцов в Вартбурге» подробнее см.: [Hallmann 2015].

³ Lohengrin / Herausgegeben von H. Rückert. Quedlinburg und Leipzig: Druck und Verlag von Gottfr. Basse, 1858. S. 184. (Bibliothek der gesamten deutschen National-Literatur von der ältesten bis auf die neuere Zeit)

имени и происхождении супруга, упоминает об их детях, хотя ранее в тексте о них не говорилось. Именно эта причина становится решающей – в течение двух ночей Эльза говорит Лоэнгрину, что герцогиня Клевская посеяла сомнения в ее душе, но не решается расспрашивать его, и только на третью ночь задает вопрос ради своих детей (“durch willen unser kinde muoz ich vrâgen⁴”).

Можно предположить, что включение в повествование немецких поэм о Рыцаре с лебедем мотива размышлений героини о будущем ее детей объясняется влиянием других сюжетов, распространенных на немецкой территории. Рассуждая о жанровой природе поэмы Конрада Вюрцбургского, Г.И. Герценц соотносит ее композиционную структуру с традицией шванка, однако не приводит конкретных источников, влияние которых, предположительно, мог испытать немецкий поэт. Представляется вероятным, что один из шванков, который мог быть известен Конраду, мог быть основан на сюжетном типе, получившем в международной классификации фольклорных сюжетов название «Умная Эльза» (ATU 1450).

Сказка об Умной Эльзе издана в сборнике братьев Гримм «Детские и семейные сказки» начиная со второго издания⁵. В комментариях к сборнику, вышедших в 1913 г., выделяется три главных мотива:

А. Глупая невеста впадает в ненужные раздумья о будущем несчастье еще не рожденного ребенка.

В. Ее жених или муж отправляется на поиски жены более глупой.

С. Когда обрезано ее платье или накинута силки для птиц, она сомневается в своей идентичности [Bolte 1913, S. 335].

Авторы комментариев делают оговорку, что если мотивы В и С можно встретить и в других сказочных сюжетах сборника, то мотив А содержится только в сюжете об Умной Эльзе. В первом издании сказок 1812 г. сказка под номером 34 носила название «Гансова женка» («Hanses Trine») и включала в себя только мотив С⁶. Версия братьев Гримм, включенная во второе издание 1819 г., соединяет в себе разные сюжеты. В указателе Аарне-Томпсона, помимо типа 1450 «Умная Эльза», сказка в версии братьев Гримм соотнесена еще с несколькими типами: 1384 «Женщина не знает,

⁴ Во имя наших детей должна я спросить (Lohengrin. S. 185).

⁵ Brüder Grimm Kinder- und Haus-Märchen. Berlin: G. Reimer, 1819. 2. Auflage. Band 1. S. 173–177.

⁶ Brüder Grimm Kinder- und Haus-Märchen. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1812. 1. Auflage. Band 1. S. 155–156.

кто она такая», 1384 «Муж ищет трех человек таких же глупых, как его жена», 1387 «Женщина идет за пивом», 1430 «Муж и жена строят воздушные замки» – подтип 1430А «Планы о еще не рожденном ребенке».

Сюжету типа 1450 в указателе дается описание, из которого следует, что сюжетообразующим для него является мотив А:

1. Девушка должна принести из погребца; она погружается в мысли, как позднее назовет своего первенца;
2. То же самое делают отец и мать невесты;
3. Жених пускается наутек [Aarne 1961, p. 424].

Поэму Конрада Вюрцбургского сближает с сюжетом об Умной Эльзе общий мотив размышлений героини о будущем ее детей. Если для шванка он является сюжетообразующим, то Конрад включает его в повествование как вариант мотивировки нарушения запрета, отличающийся от остальных знакомых ему версий «сюжета о Рыцаре с лебедем». Кроме того, общим для обоих источников можно считать тип персонажа (жених) и возможный исход событий (согласно версии, представленной в указателе Аарне-Томпсона, жених покидает Эльзу⁷). Также создатель немецкой поэмы мог заимствовать поведение героини: как в версии сказки братьев Гримм, так и поэме Конрада «Рыцарь с лебедем» из-за собственных размышлений геройня начинает плакать, и именно в этом состоянии ее находит жених или супруг.

Сюжет об Умной Эльзе в указателе Аарне-Томпсона помещен в раздел «Шутки и анекдоты» и отнесен к историям о глупцах. Глупость героини в данном случае заключается в чрезмерном проявлении одного из качеств – ума. Излишние раздумья о будущем еще не рожденного ребенка выводят ее поведение из области разумного. Как отмечает Е.М. Мелетинский, игра с категориями ум/глупость в средневековой сатирической традиции является одним из способов создания комического эффекта [Мелетинский 1990, с. 27].

Насколько известно, сюжет об Умной Эльзе не получил в Средние века письменной фиксации, поэтому не представляется возможным определить, был ли знаком Конрад Вюрцбургский с одним или несколькими сюжетными вариантами. Однако с учетом использования общего мотива можно предположить, что немец-

⁷Такой вариант содержит и пример, приведенный в комментариях к сборнику сказок братьев Гримм: стихотворение поэта XVI в. Генриха Гёттингга, в котором все родственники Эльзы спускаются в погреб, оставив жениха одного, и тот уходит из дома [Bolte 1913, S. 336].

кий поэт, испытавший влияние городской литературы, обратился к сюжету, бытовавшему в народной среде как устный анекдот или шванк. Попытку разграничения этих жанров предпринимает С.А. Никифорова, в качестве одного из критериев предложившая определение способа создания смехового эффекта: если для анекдота характерна скорее языковая репрезентация посредством многозначности слов, то в шванках комизм заключается в неожиданности и парадоксальности самой ситуации, противоречии поведения персонажей здравому уму [Никифорова 2016, с. 83]. Подобный способ классификации не представляется универсальным (учитывая то, что фольклорные анекдоты могли выступать источниками шванков [Jackel 1966, S. 15]), однако из него следует, что сюжет о девушке, предающейся длительным раздумьям о будущем, мог бытовать как городской шванк, поскольку ее глупость становится следствием ума, и именно в этом заключается неожиданность и парадоксальность поведения героини и исхода событий.

Конечно, в поэме Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем», как и в ее основном источнике, старофранцузской жесте, сюжет о рыцаре, покидающем жену после нарушения данной ему клятвы, не содержит комического парадокса. Отъезд Рыцаря с лебедем в поэме Конрада становится следствием его собственного гнева, в отличие от французских версий, согласно которым в случае промедления ему грозит смерть. В немецкой версии рыцарь обвиняет свою жену в намеренном причинении ему вреда, в то время как глупость героини не называется причиной побега ее супруга. Таким образом, было бы неправомерно говорить о намеренном создании Конрадом комического эффекта и стремлении представить поступок герцогини как проявление глупости.

Вместе с тем в тексте старофранцузской поэмы «Рыцарь с лебедем» XIII в. содержится отрицательная характеристика поступка герцогини, вложенная в уста самого героя: он не предполагал, что его супруга «помыслит о такой глупости» (“pensast tel folie” [Nelson 1985, p. 105]). Существительное “folie” может быть переведено и как «глупость», и как «безумие», но не исключено, что немецкий поэт мог воспринять его в первом значении и обратиться к знакомым ему сюжетам о глупцах для создания более конкретной и правдоподобной с точки зрения средневековой аудитории мотивировки нарушения запрета.

Впрочем, даже если в руки немецкого поэта попала рукопись старофранцузской поэмы, учитывая большое количество манускриптов и текстовых расхождений изложенных в них версий, фрагмент с упоминанием слова “folie” мог в ней отсутствовать. Нам известно лишь то, что Конрад познакомился с французским сюжетом

том в Клеве, где провел около десяти лет. Ряд исследователей предполагают, что жеста о Рыцаре с лебедем была известна Конраду из устной традиции, а при устной передаче подобные подробности могли не включаться в рассказ [Krüger 1936, S. 122].

Возможно и другое объяснение обращения Конрада именно к анекдотической сказке или шванку об умной Эльзе. С опорой на версию братьев Гримм и описание, приведенное в указателе Аарне-Томпсона, выделяются два варианта реализации рассматриваемого мотива: «героиня раздумывает о будущем несчастье еще не рожденного ребенка» и «героиня раздумывает о том, как назовет своего еще не рожденного ребенка». Действительно, в разных национальных традициях встречаются версии похожих сюжетов, в которых можно найти оба варианта⁸. Версия, данная в указателе, связана с выбором имени, и если она была известна Конраду, то под влиянием анекдотического сюжета поэт мог наделить свою героиню беспокойством о том, как должны называться по отцу ее дети. Если предположить, что Конрад заимствует мотивировку и частично модель поведения героини (раздумья, приводящие к несчастью), то абсурдность в контексте его произведения снимается, поскольку дети уже рождены, и желание матери знать их родословную не выглядит чрезмерным.

Косвенное подтверждение предположительного заимствования Конрадом Вюрцбургским отдельных мотивов сюжета об Умной Эльзе присутствует в анонимной баварской поэме «Лоэнгрин». Как нам кажется, в поэме «Лоэнгрин» имя герцогини Брабантской – Эльза – появляется не случайно. Возможно, при знакомстве с сочинением своего предшественника баварский поэт узнал в поступке героини модель поведения невесты, предающей долгим раздумьям о том, как должны называться ее дети, и таким образом упускающей свое счастье. Не исключено, что в немецких землях

⁸ Примерами сюжетов, в которых встречается мотив размышлений персонажей о будущем несчастье (гибель еще не рожденного ребенка от тяжелого предмета), могут служить русская сказка о Лутонюшке (№ 405–406) (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3. 120 с. [Лит. памятники]) и немецкий вариант сказки об умной Грете, приведенный в сборнике К.Й. Зимрока (*Simrock K.J. Deutsche Märchen von Karl Simrock. Stuttgart, Verlag d.J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1864. S. 257*). Раздумья об имени еще не рожденного ребенка присутствуют во франкоязычной сказке «Жан и Жанна»: героиня пытается найти имя, которое бы никто не носил, боясь, что в противном случае ребенка не удастся крестить (*Luzel F.M. Contes populaires de Basse-Bretagne. Paris: Maisonneuve frères et Ch. Leclerc, 1887. T. 1. P. 381*).

к концу XIII в. уже распространился вариант, в котором данный тип персонажа ассоциировался с именем Эльза.

Безусловно, гипотеза об обращении создателей немецкоязычных версий «сюжета о Рыцаре с лебедем» к анекдоту или шванку об Умной Эльзе не находит однозначного подтверждения, однако влияние народных сюжетов на немецкие поэмы, созданные на позднем этапе развития куртуазной эпико-романной традиции, представляется нам вполне вероятным и требующим дальнейшего изучения. Привлечение правдоподобных и убедительных с точки зрения средневековой аудитории мотивировок поведения персонажей способствует переносу акцента с контекста сверхъестественного вмешательства, характерного для французских версий, в область сложности и противоречивости человеческой природы.

Литература

- Боура 2002 – *Боура С.М.* Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступ. ст. Н.П. Гринцера, И.В. Ершовой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
- Мелетинский 1990 – *Мелетинский Е.М.* Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 276 с.
- Никифорова 2016 – *Никифорова С.А.* Языковые особенности шванков о шильдбюргерах // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 80–84.
- Aarne 1961 – *Aarne A., Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography = Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communications, no. 3) / Transl. and enlarged by S. Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961, 588 pp. (FF Communications, no. 184)
- Bolte 1913 – *Bolte J., Políčka J.* Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1913. Bd 1. 556 S.
- Gernentz 1972 – *Der Schwanritter. Deutsche Erzählungen des 13. und 14. Jahrhunderts* / Herausgegeben und aus dem Mittelhochdeutschen übertragen von H.J. Gernentz. Berlin: Rütten & Loehning, 1972. 486 S.
- Habermehl 2015 – *Habermehl J.* “Der Schwanritter” Konrads von Würzburg. Frankfurt: Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, 2015. 47 S.
- Hallmann 2015 – *Hallmann J.* Studien zum mittelhochdeutschen “Wartburgkrieg”: Literaturgeschichtliche Stellung – Überlieferung – Rezeptionsgeschichte: Mit einer Edition der “Wartburgkrieg”-Texte. Berlin: De Gruyter, 2015. 616 S.
- Jackel 1966 – *Jackel G.* Das Volk – das Lacht: Deutsche Schwanke des 15. und 16. Jahrhunderts. Berlin: Rütten und Loening, 1966. 396 S.
- Krüger 1936 – *Krüger A.G.* Die Quellen der Schwanritterdichtungen. Hannover: Gifhorn, 1936. 279 S.

- Nelson 1985 – *Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias* / Ed. by J.A. Nelson. Tuscaloosa, London: University of Alabama Press, 1985. 556 p. (The Old French Crusade Cycle, vol. 2)
- Trotter 1985 – *Trotter D.A. L'ascendance mythique de Godefroy de Boullion et le cycle de la croisade // Métamorphose et bestiaire fantastique au Moyen Âge* / L. Harf-Lancner, éd. Paris: Collection de l'Ecole Normale Supérieure de jeunes filles, 1985. P. 107–135.

References

- Aarne A. and Thompson, S. (1961), The types of the folktale. A classification and Bibliography, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen, FF Communications, no. 3, Suomalainen Tiedekatemia, Helsinki, Finland. (FF Communications, no. 184)
- Bolte J. and Polívka, J. (1913), *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, Bd. 1, Leipzig, Deutschland.
- Boura, S.M. (2002), *Geroicheskaya poeziya* [Heroic poetry], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Gernentz, H.J. (ed.) (1972), *Der Schwanritter. Deutsche Erzählungen des 13. und 14. Jahrhunderts*, Rütten und Loehning, Berlin, Deutschland.
- Habermehl, J. (2015), *„Der Schwanritter“ Konrads von Würzburg*, Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, Frankfurt, Deutschland.
- Hallmann, J. (2015), *Studien zum mittelhochdeutschen „Wartburgkrieg“*, Literaturgeschichtliche Stellung – Überlieferung – Rezeptionsgeschichte. Mit einer Edition der „Wartburgkrieg“-Texte, De Gruyter, Berlin, Deutschland.
- Jackel, G. (1966), *Das Volk – das Lacht: Deutsche Schwanke des 15. und 16. Jahrhunderts*, Rütten & Loening, Berlin, Deutschland.
- Krüger, A.G. (1936), *Die Quellen der Schwanritterdichtungen*, Gifhorn, Hannover, Deutschland.
- Meletinskii, E.M. (1990), *Istoricheskaya poetika novelly* [The historical poetics of novella], Nauka, Moscow, Russia.
- Nelson, J.A. (ed.) (1985), *Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias*, University of Alabama Press, Tuscaloosa, London, USA. (The Old French Crusade Cycle, vol. 2)
- Nikiforova, S.A. (2016), Linguistic features of Schwanks about Schildburgers, in *Bulletin of Voronezh State University, „Linguistics and intercultural communication“ Series*, no. 4, pp. 80–84.
- Trotter, D.A. (1985), L'ascendance mythique de Godefroy de Boullion et le cycle de la croisade, in *Métamorphose et bestiaire fantastique au Moyen Âge*, Collection de l'Ecole Normale Supérieure de jeunes filles, Paris, France, pp. 107–135.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; popova.olga13w@mail.ru